

А. В. Манойло³

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ⁴

В последнее время мы все чаще слышим, что коллективный Запад развязал против России беспрецедентную гибридную войну. Об этом заявляют и Президент Российской Федерации В. В. Путин, и министр иностранных дел С. В. Лавров, и секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушев. Важнейшей составляющей гибридной войны является война информационная, предназначенная для подавления и подчинения воли противника. В информационных войнах противника, как правило, физически не уничтожают — его превращают в раба, послушно исполнителя своей воли, внушая, что это и есть истинная цель его существования. Выработавших свой ресурс пособников (агентуру спецслужб, «доброволь-

ных помощников», которых немецкие нацисты называли «хиви») обычно утилизируют.

Современные информационные войны представляют собой особый вид вооруженного конфликта, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций, сопровождающихся применением информационного оружия — особого класса технологий, предназначенных для воздействия на психику человека, в том числе через скрытое управление его высшей нервной деятельностью. Отсюда следует, что информационные войны возможны только в отношениях между государствами — в сфере международных отношений и внешней политики, и никогда — в политике внутренней (исключение составляют гражданские войны и «цветные революции»). При этом цель любой информационной войны полностью совпадает с целью войны классической — это обеспечение военного поражения противника.

В свою очередь, информационные операции представляют собой оперативные комбинации спецслужб на каналах открытых телекоммуникационных сетей. Это операции разведок, представляющие собой соединение четырех групп методов:

- 1) классических методов оперативной и агентурной деятельности;
- 2) оперативно-технических методов;
- 3) оперативно-розыскных методов;
- 4) технологий информационно-психологического воздействия на индивидуальное и массовое сознание граждан, технологий скрытого управления сознанием и поведением человека и каналов доведения управляю-

³ Профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор политических наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Информационные войны и психологические операции: руководство к действию», «Стратегические информационные операции и оперативные игры спецслужб» и др.

⁴ Доклад подготовлен на основе: Манойло А. В. Чему нас научил опыт информационно-психологических операций в ходе СВО // Регнум : [сайт]. URL: <https://regnum.ru/opinion/3867457> (дата обращения: 18.09.2024).

щего информационного воздействия до целевых аудиторий.

Причем на новейшие методы и технологии информационного воздействия на практике приходится не более 20 % от всего объема операции; таким образом, по своей сути «информационные операции» только называются информационными, а по методам они продолжают оставаться классическими разведывательными операциями, которые могут закончиться и физическим устранением (ликвидацией) объекта разведывательного интереса — в том случае, если он не поддается управляющему воздействию и не желает добровольно подчиниться. В современном мире информационные операции остаются полем боя «рыцарей плаща и кинжала», способных уничтожить своего противника в сердце или в печень стилетом, сильнодействующим ядом или постом в Telegram-канале.

Тактика современных информационных операций, при всей своей кажущейся сложности и непостижимости, на самом деле чрезвычайно проста: «зацепить» объект воздействия (как правило, им выступает лицо, облеченное высшей государственной властью), вывести его на эмоции и заставить под влиянием этих эмоций метаться в поисках выхода или спасения. Если жертва начинает метаться, ее ловят на обязательно совершаемых ею ошибках и еще сильнее сжимают удавку на шею. Если жертва впадает в ярость и начинает отрицать свою причастность к приписываемым ей действиям, поступкам или фактам, попутно оправдываясь, ее последовательно ловят на лжи, припирая к стенке или загоняя в угол, из которого выход может быть открыт только на условиях «загонщика». По этой схеме сегодня построены все без исключения информационные операции американской разведки, включая проводимые «под чужим флагом»; этому же принципу стремятся следовать и российские специалисты информационных операций, создав на этой платформе собственную тактику проведения информационных операций и контр-операций — так называемую тактику работы в условиях неожиданных вводных. Эта тактика появилась у российских специалистов всего около 6–8 месяцев назад и уже прошла успешную апробацию «в полевых условиях» (в прямом соприкосновении с противником); она в определенных условиях превосходит американскую (хотя и родственна ей по базовым принципам и приемам ведения информационной войны) и позволяет переигрывать разведки США на их же собственном поле. Сама же тактика «неожиданных вводных» заключается в том, что противник не должен уметь предугадать, с какого именно направления придет очередной информационный удар и каким он будет, каждый новый удар должен быть для него полной неожиданностью и всегда заставлять врасплох, ни один новый удар не должен быть похож на предыдущий, и все это вместе должно все время держать противника в напряжении и растерянности (или непрерывном изумлении).

Российский опыт ведения информационных войн сегодня весьма разнообразен и постоянно пополняется новыми приемами, методами, технологиями воздействия на противника, доказавшими свою эффективность в реальных боевых условиях — в первую очередь в спе-

циальной военной операции на Украине. Сегодня ни для кого не секрет, что СВО стала для российских спецслужб и стимулом для разработки новых форм и методов в сфере информационных операций, и уникальным испытательным полигоном для отработки этих методов на практике. Все это в совокупности должно было обеспечить исторический «эволюционный взрыв», технологическую революцию, новый этап в покорении глубинной, «темной», не управляемой сознанием психики человека. Тем удивительнее осознавать, что этого так и не произошло — напротив, начало СВО было связано не с прогрессом технологий информационного воздействия, а с их архаизацией. Считая, что СВО продлится считанные дни или недели (вспомним «Киев за три дня»), тонкие и сложно устроенные, как швейцарский часовой механизм, операции разведок в один миг оказались на периферии; их место заняли специальная пропаганда, дающая результат «в моменте» — здесь и сейчас, немедленно, и фейки. Видимо, генералы информационных войск считали, что, пока разведки спланируют и запустят свою оперативную комбинацию или игру, СВО кончится, поэтому нужны инструменты, которые стороны успеют применить по противнику. То есть в начале СВО произошла деградация форм и методов ведения информационных войн — да так, что на горизонте реально замаячил «новый каменный век».

Следуя заданному «новым каменным веком» курсом на деградацию, в информационное пространство ринулись фейки — примитивные, слепленные буквально на коленке, но продавливающие любую оборону своей массовостью. В самих фейках тоже наблюдался упадок — видно было, что ради количества пожертвовали качеством. Но на первом этапе СВО это сработало: все российские специалисты, хоть краем уха слышавшие об информационной войне, массово бросились «ловить и разоблачать» украинские фейки, радостно отчитываясь друг перед другом и перед своим начальством о «разоблаченных вбросах». Туда же ринулись и те немногие, кто знал, что такое информационные операции: считать и болтать о фейках на федеральных и Telegram-каналах оказалось проще, чем участвовать в сшибке спецслужб, перехватывая их информационные операции. Увидев это, разведки США облегченно выдохнули и безнаказанно провели провокацию в Буче, развернув вокруг нее в информационном пространстве целую многоходовую оперативную игру. В нужный момент противостоять этой игре оказалось некому.

Однако к концу 2022 года, когда стало понятно, что СВО надолго, информационные операции снова начали возвращаться в лоно соперничества великих держав (России и США); именно по законам ведения оперативных игр оживилась история с подрывами Северных потоков, в которую ЦРУ вбрасывало управляющую информацию (и дезинформацию) через авторитетного и почти всеми уважаемого Сеймура Херша, которым манипулировали «втемную»; голландская разведка, о существовании которой ранее не слышали даже голландцы, неожиданно ловит как минимум одного российского разведчика-нелегала при попытке устроиться на работу в Международный уголовный суд; интервью предателя и перебежчика Глеба Каракулова,

сфабрикованное экстремистом Михаилом Ходорковским¹, становится каналом передачи указаний возможным сообщникам Каракулова, до сих пор служащим в ведомстве, из которого он сбежал; в целях террора (и реального, и информационного) активно используются карательные формирования, создаваемые СБУ из граждан России, вставших на путь измены Родине; даже крушение 4 февраля транспортного самолета российских ВКС Ил-76, перевозившего украинских пленников, предназначенных для обмена, расценивается как информационный повод, которым сначала пытаются напугать Россию (вроде, вот она — успешная диверсионная операция на российской территории), а потом пугаются сами (когда выясняется, что в самолете было 65 украинских пленников). В ответ Россия организует приезд Такера Карлсона в Москву, продемонстрировав всему миру великолепный пример использования в своих целях информационно-коммуникационной

структуры нашего главного геополитического противника — США. Но этого все равно недостаточно.

Пройдя через все испытания 2022 года, когда настоящим ночным кошмаром стали нескончаемые потоки фейков, которые просто не успевали ловить, теряя контроль над ситуацией, и 2023 года, в котором в тренде оказались телефонный терроризм, поджоги военкоматов и попытки перенесения боевых действий на российскую территорию (с целью демонстрации беспомощности власти), в новый 2024 год мы вошли, все так же имея перед собой очень серьезного и хорошо организованного противника, обладающего собственной системой центров психологических операций, сформированной как подвижная сетевая структура, и системой подготовки кадров. У нас же на третьем году специальной военной операции по-прежнему нет ни того ни другого. Поэтому пусть 2024 год станет для нас годом, когда эта система у нас появится.

¹ Включен Минюстом в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента.